

врула на полы до седла. И начаша сечи силу татарскую и многих тут нарочитых богатырей батыевых побил, ових на полы пресекоша, а иных до седла краяше“.¹

О гиперболизации как методе художественного изображения действительности в песне говорит М. О. Скрипиль.² В. П. Адрианова-Перетц выделяет, кроме того, развернутый в рассказе о Евпатии „народнопоэтический образ битвы-пира, проходящий в разных вариантах через всю повесть“ и подчинивший себе „книжный образ «смертной чаши»“.³ Отметим здесь также следующее наблюдение Н. К. Гудзия по поводу диалога Батыя с пленными: „Перед нами яркий образчик песенной, ритмически организованной формы речи, иронически окрашенной, как в устной поэзии“.⁴

Все эти наблюдения и сопоставления сами по себе значительны и ценны. Однако они нуждаются в уточнениях, а самое главное — они должны быть пересмотрены в свете анализа поэтической системы всего рассказа. Художественную специфику народной песни, — будь это былина или историческая песня, — составляют не какие-то отдельные приемы, но именно система поэтических средств. Необходимо представить песню о Евпатии Коловрате как целое, а не в виде отдельных „следов“, остатков, сохранившихся в составе повести.

Задача эта осложняется рядом трудностей, из которых необходимо назвать здесь, по крайней мере, две. Во-первых, при сопоставлении эпизода о Евпатии Коловрате с фольклором мы вынуждены пользоваться материалами последнего в значительно более поздних записях. Во-вторых, сама песня о Евпатии, если она действительно существовала, дошла не в виде прямой фольклорной вставки, а в литературно переработанной форме. В. Миллер считал, что в эпизоде о Евпатии Коловрате следует видеть „переданную прозой“ народную песню, и говорил о ее „книжной обработке“.⁵

Характер этой „обработки“ ясно раскрыт В. П. Адриановой-Перетц и Д. С. Лихачевым, которые показали, что рассказ о Евпатии органически связан с общим построением „Повести“ как в идейном, так и в стилистическом плане. „Он составлен в той же стилистической манере, что и весь остальной текст «Повести», и сливается с нею в органическое целое“.⁶

В „Повести“ стилистика книжная и фольклорная, образы литературные и народнопоэтические не просто сосуществуют, но представляют своеобразный художественный сплав, они выступают в единстве, которое указывает на специфику художественной системы „Повести“. Творческий метод автора характеризуется, как указывает Д. С. Лихачев, стремлением „сблизить фольклор и книжность“, но не заменить одно другим.⁷

Ясно, что автор „Повести“ не сохранил художественной системы песни о Коловрате. Но он и не уничтожил этой системы. Задача заключается в том, чтобы эту нарушенную песенную систему восстановить и тем самым представить, какой была народная песня XIII века.

¹ Труды ОДРА, т. VIII, стр. 120.

² Русское народное поэтическое творчество, т. I, стр. 286.

³ Труды ОДРА, т. VIII, стр. 121.

⁴ Н. К. Гудзий, ук. соч., стр. 179.

⁵ В. Ф. Миллер, ук. соч., стр. 319.

⁶ Воинские повести древней Руси. Послесловие Д. С. Лихачева, М.—Л., 1949, стр. 131—132.

⁷ Воинские повести древней Руси, стр. 142.